

ЖАН-ЖАК РУССО
(JEAN-JACQUES ROUSSEAU)

1712 г. – 1778 г.

Философ, писатель и мыслитель эпохи Просвещения

Я один. Я знаю свое сердце и знаю людей...

*Intus et in cute*¹

Я предпринимаю дело беспрецедентное, которое не найдет подражателя. *Я хочу показать своим братьям одного человека во всей правде его природы — и этим человеком буду я.*

Я один. Я знаю свое сердце и знаю людей. Я создан иначе, чем кто-либо из виденных мной; осмеливаюсь думать, что я не похож ни на кого на свете. Если я не лучше других, то по крайней мере не такой, как они. Хорошо или дурно сделала природа, разбив форму, в которую она меня отлила, — об этом можно судить, только прочтя мою исповедь.

Пусть трубный глас Страшного суда раздастся когда угодно — я предстану пред Верховным Судьей с этой книгой в руках.

Я громко скажу: «Вот что я делал, что думал, чем был. С одинаковой откровенностью рассказал я о хорошем и о дурном. Дурного ничего не утаил, хорошего ничего

¹ Часть стиха из сатиры древнеримского поэта Авла Персия Флакка (34—62 н. э.) «*Ego te intus et in cute novi*» («А тебя и без кожи и в коже я знаю»; пер. с лат. Ф. А. Петровского). (Здесь и далее, если не указано иное, — примечания редакции.)

не прибавил и если что-либо слегка приукрасил, то лишь для того, чтобы заполнить пробелы моей памяти. *Может быть, мне случилось выдавать за правду то, что мне казалось правдой, но никогда не выдавал я за правду заведомую ложь.*

Я показал себя таким, каким был в действительности: презренным и низким, когда им был; добрым, благородным, возвышенным, когда был им. Я обнажил всю свою душу и показал ее такой, какой Ты видел ее Сам, Всемогущий.

Собери вокруг меня неисчислимую толпу подобных мне — пусть они слушают мою исповедь, пусть краснеют за мою низость, пусть сокрушаются о моих злополучиях. Пусть каждый из них у подножия Твоего престола в свою очередь с такой же искренностью раскроет сердце свое, и пусть потом хоть один из них, если осмелится, скажет Тебе: *“Я был лучше этого человека”*».

* * *

Я родился почти умирающим; было мало надежды на то, что удастся сохранить меня. Я нес в себе зародыш недуга, который усилили годы и который теперь иногда дает мне передышку только затем, чтобы заставить меня страдать еще более жестоко другим образом.

Одна из сестер моего отца, добрая и умная девушка, своим заботливым уходом спасла меня. В настоящее время, когда я пишу эти строки, она еще жива и, в восемьдесят лет, ухаживает за мужем, который моложе ее, но истощен пьянством. Дорогая тетушка, я прощаю вас за то, что вы заставили меня жить, и скорблю о том, что в конце вашей

жизни я не могу окружить вас такими же нежными заботами, какими вы осыпали меня в начале моей.

* * *

Чувствовать я начал прежде, чем мыслить,— это общий удел человечества. Я испытал его в большей мере, чем всякий другой.

Не знаю, как я научился читать, помню только свои первые чтения и то впечатление, которое они на меня производили,— с этого времени тянется непрерывная нить моих воспоминаний.

* * *

Я сделал первый и самый тягостный шаг в темном и грязном лабиринте моих признаний.

•
*Труднее всего признаваться
не в том, что преступно, а в том,
что смешно и постыдно.*
•

Отныне я уверен в себе: после того, что я только что осмелился сообщить, ничто уже не может остановить меня.

Чего стоят мне подобные признания, можно судить по тому, что в течение всей моей жизни меня не раз увлекало безумие страсти возле тех, кого я любил, лишая меня способности видеть и слышать, пронизывая все мое тело судорожным трепетом возбуждения, но никогда не мог я отважиться признаться в моей безумии, не мог даже в самых интимных отношениях умолять о единственной

милости, которой мне не доставало. Это случилось со мной только раз, в детстве, с девочкой моих лет, да и то предложение исходило от нее.

Восходя таким образом к первым проявлениям моих чувствований, я нахожу в них элементы, кажущиеся иной раз несовместимыми, но тем не менее соединившиеся, чтобы с силой произвести действие однородное и простое, и нахожу также другие, с виду тождественные, но образовавшие благодаря стечению известных обстоятельств столь различные сочетания, что трудно представить себе, чтобы между ними была какая-нибудь связь.

* * *

Пусть представят себе характер робкий и покорный в повседневной жизни, но пламенный, гордый, неукротимый в страстях; характер ребенка, всегда повиновавшегося голосу рассудка, всегда встречавшего обращение ласковое, ровное, приветливое, не имевшего даже понятия о несправедливости и в первый раз испытывавшего столь ужасную несправедливость со стороны людей, которых он любил и уважал больше всего.

Какое крушение понятий! Какое смятение чувств! Какой переворот в сердце, в мыслях, во всем его духовном, нравственном существе! Я говорю: пусть представят себе все это, если возможно, а я совершенно неспособен разобрать и проследить во всех мелочах то, что происходило тогда во мне.

У меня еще не доставало разума, чтобы понять, насколько видимость обличает меня, и поставить себя на место других. Я стоял на своем и чувствовал только суровость страшного

возмездия за преступление, которого я не совершал. Телесная боль, хотя и сильная, была для меня мало чувствительна; я испытывал только негодование, бешенство, отчаяние...

И сейчас еще, когда пишу эти строки, я чувствую, как учащается мой пульс,— эти минуты будут всегда у меня в памяти, хотя бы я прожил сто тысяч лет. Первое ощущение насилия и несправедливости так глубоко запечатлелось в моей душе, что все мысли, связанные с ним, будят во мне и прежнее волнение. И это чувство, в своем истоке относившееся лично ко мне, так упрочилось и так отрешилось от всего личного, что *при виде любого несправедливого поступка или даже при рассказе о несправедливости — над кем бы и где бы ее ни совершили — мое сердце так горит негодованием, как будто я сам являюсь жертвой.*

Когда я читаю о жестокостях свирепого тирана, об изошренном коварстве лицемера-священника, я охотно пустился бы в путь, чтобы заколоть этих презренных, хотя бы при этом мне пришлось сто раз погибнуть. Я часто вгонял себя в пот, стараясь догнать или попасть камнем в петуха, корову, собаку — всякое животное, на моих глазах мучившее другое животное единственно потому, что было сильнее. *Это чувство, возможно, у меня врожденное, и думаю, что это так, но впечатление от первой несправедливости, испытанной мной, было столь долго и крепко с ним связано, что значительно усилило его.*

* * *

Самое драгоценное время моего детства тратилось на пустяки, прежде чем решена была моя участь. После долгого обсуждения моих природных склонностей остановились наконец на том, к чему я меньше всего был способен,

и устроили меня к Массерону, городскому протоколисту, чтобы я научился под его руководством полезному ремеслу *судебного крючокотвора*, как говорил г-н Бернар¹.

Прозвище это очень не нравилось мне; надежда заработать кучу денег неблагородным путем мало льстила моему гордому нраву. Занятие казалось мне скучным, невыносимым; кропотливость работы, подчинение окончательно меня от него отвратили, и я всегда входил в канцелярию с тайным ужасом, возраставшим день ото дня. Массерон, со своей стороны не слишком довольный мной, относился ко мне презрительно, непрерывно упрекал за вялость, глупость и повторял ежедневно, что дядя уверял его, *будто я знаю*, а на деле я ровно ничего не знаю; что ему обещали славного мальчика, а дали просто осла.

Наконец я был с позором изгнан из канцелярии за неспособность, и конторщики Массерона решили, что я го-жусь только на то, чтобы орудовать напильником.

* * *

Вот так привык я таить свои желания, скрываться, притворствовать, лгать и, наконец, красть — склонность, раньше не свойственная мне, но от которой с тех пор я не мог полностью излечиться.

•
*Желание и невозможность его
удовлетворить всегда ведут
к этому.*
•

¹ *Габриэль Бернар* — дядя Руссо, брат его матери Сюзанны Бернар.

Вот почему все лакеи — воры и все ремесленные ученики тоже вынуждены воровать, но последние, вырастая, оказавшись в положении равенства и спокойствия, при котором все, что они видят, доступно им, теряют эту постыдную склонность. Не достигнув подобного благополучия, я не мог извлечь из него и эту пользу.

•
*Почти всегда именно хорошие,
но плохо направленные чувства
заставляют детей делать
первый шаг к дурному.*
•

Я люблю лишь те блага, которые принадлежат только первому, умеющему их вкусить...

У меня очень пылкие страсти, и, если они волнуют меня, ничто не может сравниться с моей горячностью: тогда для меня не существует ни осторожности, ни уважения, ни страха, ни приличия. *Я становлюсь циничным, наглым, неистовым, неустрашимым; стыд не останавливает меня, опасность не пугает. Кроме предмета, который меня увлекает, весь мир для меня — ничто.*

Но все это длится только мгновение, и вслед за тем я впадаю в оцепенение. Застаньте меня в спокойном состоянии: я — воплощенная вялость, даже робость. Все меня тревожит, все отталкивает; пролетающая муха пугает меня; сказать слово, сделать движение — мысль об этом приводит в ужас мою лень; боязнь и стыд до того порабощают меня, что я хотел бы исчезнуть с глаз людских. *Если надо действовать, я не знаю, что делать; если надо говорить, не знаю, что сказать; если на меня смотрят, я смущаюсь.* Когда я охвачен страстью, то иной раз нахожу, что сказать, но в обычных разговорах не нахожу ничего, совершенно ничего: они несносны для меня уже тем, что я обязан говорить.

Прибавьте к этому, что ни одна из моих преобладающих склонностей не обращена на то, что можно купить. *Мне нужны только чистые наслаждения, а деньги отравляют все.*

Я люблю, например, хороший стол, но, не вынося ни чопорности избранного общества, ни кабацкого беспутства, я могу предаваться этому удовольствию лишь с приятелем, ибо, когда я один, мое воображение занято другими предметами и я уже не ощущаю никакого удовольствия от еды. Порой моя разгоревшаяся кровь требует женщин, но взволнованное сердце еще больше требует любви. Женщины, купленные за деньги, потеряли бы для меня всякое очарование; сомневаюсь даже, чтобы я мог пользоваться ими. И так бывает со всеми доступными мне удовольствиями: раз они не достались мне даром, я нахожу их бессмысленными.

•
*Я люблю лишь те блага, которые
принадлежат только первому,
умеющему их вкусить.*
•

Никогда деньги не казались мне таким драгоценным предметом, как их считают. К тому же они никогда не казались мне большим удобством: сами по себе они ни на что не годны — их надо сначала превратить во что-нибудь, чтобы извлечь из них удовольствие; надо покупать, торговаться, нередко быть обманутым, дорого заплатить и получить плохой товар.

Я хочу получить нечто, хорошее по своему качеству, и уверен, что за деньги получу плохое. Я плачу дорого за свежее яйцо, а оно лежалое; за зрелый плод — он зелен;

за девушку — она порочна. Я люблю хорошее вино, но где его достать? У виноторговца? Как бы я ни изощрялся, он может отравить меня. Я хочу во что бы то ни стало достать хорошего вина. Сколько забот, сколько затруднений! Надо иметь друзей, корреспондентов, давать поручения, писать, ездить, возвращаться, ждать и нередко под конец быть опять обманутым.

Сколько хлопот с деньгами! Я боюсь их больше, чем люблю хорошее вино.

* * *

Я так хорошо понимаю, что деньги созданы не для меня, что почти стыжусь иметь их, а тем более пользоваться ими. Если бы у меня когда-нибудь был определенный и достаточный для жизни доход, мне не грозила бы опасность стать скупцом, твердо уверен в этом. Я тратил бы весь свой доход, не стараясь его увеличить, но необеспеченность держит меня в страхе. *Я обожаю свободу, ненавижу стеснение, нужду, подчинение.*

Пока есть деньги в моем кошельке, они обеспечивают мне независимость, избавляют меня от необходимости изощряться, чтобы добыть их вновь, а необходимость эта всегда приводила меня в ужас; я берегу их из боязни, что они придут к концу.

•
*Деньги, которыми обладаешь,—
орудие свободы; деньги,
за которыми гонишься,—
орудие рабства.*
•

Вот почему я хорошо прячу их и никогда не стремлюсь приобрести.

Мое бескорыстие, следовательно, не что иное, как лень: удовольствие иметь не стоит труда приобретения. И моя расточительность опять-таки не что иное, как лень: когда представляется случай приятно истратить, трудно не воспользоваться им как можно лучше.

Меня меньше прельщают деньги, чем вещи, потому что *между деньгами и желанием обладать вещью всегда есть посредствующее звено, тогда как вещь можно наслаждаться непосредственно.*

•
*Я вижу вещь, она соблазняет
меня; если я вижу только средство
ее приобрести, она перестает
меня соблазнять.*
•

Итак, я был воришкой, иногда бываю им и теперь, такая соблазняющие меня мелочи, которые я предпочитаю взять без спросу. Но ни в детстве, ни в зрелом возрасте я не помню, чтобы когда-нибудь украл у кого-либо хотя бы ливр, за одним исключением, когда без малого пятнадцать лет тому назад украл семь ливров и десять су.